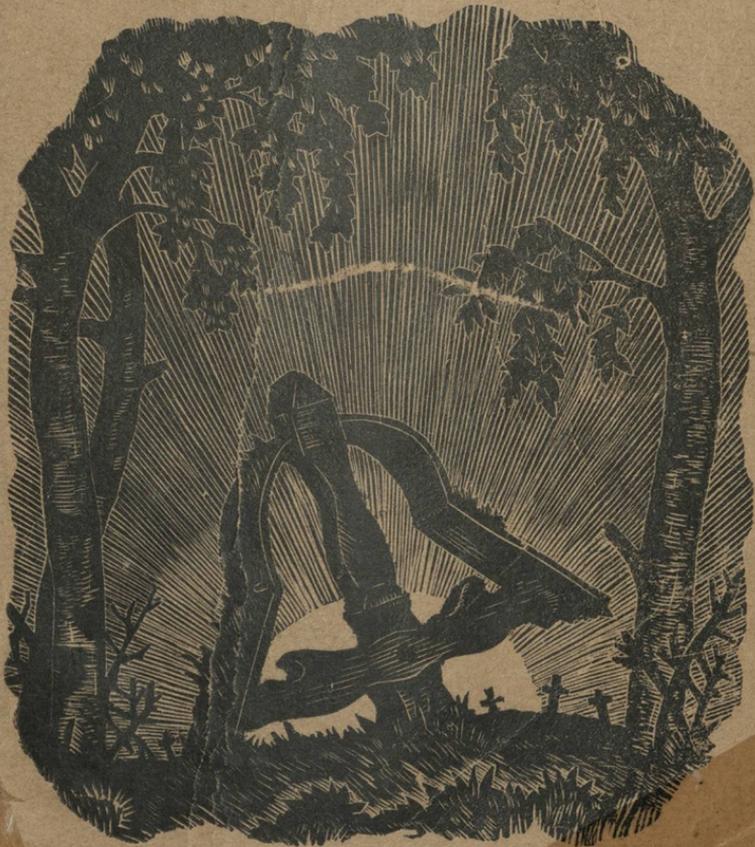

84 (2 Pa - 140

E 82

LP

С. ЕСЕНИН

Здрав
Землю - мёртвое
из Ю. и М. С. Великие
от имени Чрезвычайной
Новой Великой
"Радуница" "Музыка"
"Людси Великий"
29 10. 2005 года

ВО
ДО
ПНА
ЗЛЕС
94.

84 (2100 = 144) G
E 82
Kp

С. ЕСЕНИН
Избранные
произведения
ТОМ I

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Под редакцией
М. Бардина,
со вступительной
статьей
Вяч. Завалишина.

Регенсбург
1946

121727-1

43 | Рязанская
ЦБС

ОБЛОЖКА РАБ.

ХУД. ПУЗЫРЕВСКОГО.

ВРАЧЕБНО-
ЛЭБ

СР

ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Русская народная песнь!

Теперь, в наши дни, ее швырнули под гусеницы танков, бросили под колеса стремительно летящего паровоза.

Но тогда, когда Сергей Есенин входил в историю нашей поэзии, песнь хоть и увядала, но жила: еще не была выкорчеванной из почвы. Отзвуки этой песни долетали до нас с телеги, которую волокли по размытой дождями дороге низкорослые рыжеватые лошаденки; песнь срывалась с окрыленных парусами челнов и рыбацких лодок, мчащихся по разъяренным волнам; русская народная песнь — то мрачная и грустная, то напоенная хмельной брагой неистового веселья — вырывалась из дверей кабаков и трактиров — ни один деревенский праздник не обходился на Руси без песен.

Обаяние поэзии раннего Есенина — в том, что он превратил труды и дни русского мужика, с их радостями и тревогами, заботами и чаяниями, — в простую, доходчивую, сердечную песнь.

Поэт стал писать, подражая частушкам и плясовым «наигрышам» (вспомним «Под венком лесной ромашки», «Темна ноченька» и т. д.).

«Мир крестьянской жизни наши глаза застали, увы, вместе с расцветом, на одре смерти. Он умирал, как рыба, выплеснутая волной на берег земли. В судорожном биении он ловил своими жабрами хоть струйку родного ему воздуха, но, вместо воздуха, в эти жабры впивался песок и, словно гвозди, разрывал ему кровеносные сосуды.»

Гибнет избяной мир, гибнет мир хижин «с петухами на ставнях, с коньками на крышах и голубками на князьках крыльца». Этот избяной мир — хранитель тайн и чар, которыми овеяна ветхая Русь. Единственным, — расточительным и неряшливым, но все же хранителем, — «этих тайн была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня», — писал Сергей Есенин в брошюре «Ключи Марии», опубликованной в 1920 году. Поэт с болью в душе чувствует, что мир, с которым он сроднился, стремится навстречу гибели; и эта боль просочилась в его стихи.

Лирика ранних стихов Есенина окрашена задумчивой грустью, просветленной молитвенным настроением. Даже на природу молодой поэт смотрит, как на простую деревенскую церковь, где человек должен молиться.

Мы уже отметили, что Есенин, как поэт, вышел из русской народной песни. Но нельзя забывать, что, еще 16-ти летним юношей, он с увлечением читает классиков и современных поэтов, отбирая то, что близко душе. Первый мастер слова, с которым Есенина столкнула судьба, — Александр Блок. «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что я впервые в жизни видел живого поэта». Выходец из Рязанской деревни встретился с одним из самых значительных национальных художников, который, к счастью для Есенина «приложил ухо к земле» :

Выезжаю в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косорогам,
Мокрой глины желтые пласты.
Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябиц в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.
Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю,
На просторах нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю.
Много нас, свободных, юных, статных,
Умирает, не любя.
Пропадай же в даях необъятных,
Как и жить и плакать без тебя!

Блок стал «крестным отцом» Сергея Есенина. Влияние первого учителя рязанский поэт пронес сквозь все творчество, сквозь всю жизнь. В. Маяковский утверждал, что Есенин — Блок второго сорта, более низкокачественный, что ли, ибо о Руси и о водке Блок писал гораздо лучше. К. Чуковский, соглашаясь с ним, склонен был думать, что Есенин — «разжиженный Блок», — и только.

Сопоставив стихотворения обоих поэтов, мы приходим к выводу, что заключения подобного рода несправедливы.

Видели ли вы, как в позолоченных куполах собора отражается обычный русский пейзаж, ну хоть бы тот, что воспроизведен Блоком и только что цитирован нами. Кажется, что и рябины и косогор и пласты желтой глины вознесены в какой-то легендарный мир, в страну из золота.

У Есенина пейзаж — такой, как он есть. Иногда привлекательный, иногда невзрачный, иногда даже грязный, но в серенькой хмури Есенин видит особую красоту, порожденную своеобразием внутренней жизни цветов и трав. Жизни доступной только поэту, потому что он открыл ее глубоким внутренним зрением. Тут имеет место не «разжижение» приемов Блока, а своя манера писать.

У Есенина находим стихотворения, в ритме и в эмоциональном тембре которых есть что-то близкое Блоку, сходное с Блоком (припомним «Я сегодня влюблен в этот вечер»), но и в этих стихотворениях сказывается способность Есенина — свойственная только ему, как индивидуальному, неповторимому мастеру — чувствовать, что растения и звери, которые населяют землю, также как и люди способны радоваться и горевать, — отсюда кровная, интуитивная связь Есенина с животным и растительным миром, позволившая поэту выстрадать такие стихи, как «Песнь о корове» или «Песнь о собаке», подарившая нам исключительно своеобразные тропы: «В сердце ландыши вспыхнувших сил», «Васильками сердце светится», «Ах, колокольчик, твой ли пыл мне в душу песней позвонил?». Подслушать как бьются сердца трав и цветов, понять, что собаки и коровы тоже трагически воспринимают жизнь, мог только человек, связанный с почвой, еще не отрекшийся от земли, и сам такой же простой как травы, выращенные этой почвой, как звери, ходящие по этой земле. Обнаженность эмоций и наивная непосредственность выброшенных из сердца настроений, — вот то, что делает Есенина самим собой, оригинальным, своеобразным.

И Блок и Есенин преображали мотивы русского фольклора. Но Блок, пользуясь народной песней, рассматривал ее, как средство для раскрытия идеи, овладев-

шей им (по тем же принципам, которые руководили Чайковским, когда он включил в пятую симфонию лирическую народную песнь «во поле березынька стояла»). Есенин же ограничивается гармонизацией фольклора, оставаясь более простым, более земным, если угодно.

Есенину как-то сразу удается завоевать признание. Поэт начал пробиваться в литературу при обстоятельствах, сложившихся для него особенно благоприятно. Заканчивалась эпоха «искания Руси» — не той, которую мы знаем, а заповедной, забытой, уходящей в призрачный край преданий. В живописи эту эпоху возвысили Суриков, Нестеров, Левитан; в поэзии — Блок, Белый и др. Возбуждение интереса к фольклору и к творчеству поэтов, вышедших из народа, — следствие этой эпохи.

Эпоха «искания Руси» дала возможность окрепнуть новой плеяде крестьянских поэтов, из которых, кроме Есенина, наиболее выдающимися следует считать: Николая Клюева, Сергея Клычкова, Петра Орешина. Сам Есенин, обращаясь к поэтам, имена которых нами перечислены, неоднократно говорил «Мы».

Для всех этих поэтов характерна общность судьбы: в начале творчества они благословляли уходящую Русь; позднее их поэзия превращается в плач, в причитание над Русью, охваченной пожаром.

Для доказательства приводим отрывки из стихотворений :

Уму — республика, а сердцу — мать Русь,
Пред пастью львиною от ней не отрекись!
Пускай корягой стану я, болотом или мхом,
Моя слеза, мой вздох — о Китеже родном.
Н. Клюев.

Приемлю все!
Как есть, все принимаю,
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.
Но и тогда, когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть.

Я буду воспевать
Всем существом в поэте,
Шестую часть земли
С названьем кратким — Русь!

С. Есенин.

Та же Русь, без конца и без края,
И над нею дымок голубой,
Что же я не пою, а рыдаю
Над людьми, над собой, над судьбой.

С. Клычков.

Буду вечно тосковать по дому,
Каждый куст мне памятен и мил,
Белый цвет рассыпанных черемух
Навсегда я сердцем полюбил.
Белый цвет невырубленных яблонь
Сыплет снегом мне через плетень,
Много лет душа тряслась и зябла
И хмелела хмелем деревень.

.....
И гармонь в веселых пальцах плачет
О прощащем русском мужике.

П. Орешин.

Февральская и последовавшая за ней Октябрьская революция открыли новый период в творчестве Есенина. На значительность этого периода для дальнейшего пути поэта впервые обратил внимание Владислав Ходасевич, указавший, что у Есенина «в глубинах сознания» пробудился зов предков. Поэт, как бы возрождает, воскрещает, сам того не подозревая, древне-русскую мифологию. Ходасевичу нельзя отказать в проникательности. Интересно его стремление использовать для оценки творчества Есенина психоанализ Фрейда. Но, в данном случае, большой знаток истории русской поэзии оказался очень поверхностным: тут дело не в «глубинах сознания», а в мировоззрении Есенина, предки которого были старообрядцами. Изучая творчество поэта мы не имеем никакого права отметать в сторону его интуитивную связь со старообрядчеством. В среде староверов бытуют легенды о Беловодье, о земном рае. Сергей Есенин, которого пытались просветить многие видные социалисты-революци-

онеры, в том числе Иванов-Разумник, воспринял русскую революцию, как явление Беловодья русскому народу, как сошествие легенды в земной мир. Если Беловодья и не существует, то русский мужик сам воздвигнет его сам построит; вот почему у Есенина «новый на кобыле едет к миру Спас», «с дудкой пастушеской в нивах бродит апостол Андрей»; дед поэта ловит в сети солнце и пытается сбросить его на землю.

Внимательно ознакомившись с космическими поэмами Есенина («Пантакратор», «Инония», «Октоих», «Отчарь», «Певущий зов» и др.) мы должны обратить внимание на две идеи, которые особенно настойчиво и упорно проводятся им.

1. Преображение земного мира должно быть достигнуто не борьбой земли с небом, а напротив, честной и искренней дружбой. Не искоренение религии, а наоборот, провозглашение и утверждение ее в народном сердце — вот что должно быть жизненной основой нового мира.

2. Новый мир — это любовь. Долой вражду, долой кровопролитье! «Не губить пришли мы братья, а любить и верить». Следует подчеркнуть, что Есенин в этот период является бессознательным, но последовательным и убежденным гуманистом.

В поэме «12» Александр Блок благословил Революцию именем Христа; в поэме «Товарищ» Есенин, полемизируя с ним, доказывает, что революцией расстреляна вера в Христа. Поэт выступает, как глашатай мужицкого рая, идею которого он позаимствовал не у социалистов-революционеров, не, у тем более, марксистов, а у протопопа Авакума, у Никиты Пустосвята, да в старообрядческих легендах о Беловодье. Если эта идея вырвалась на простор общечеловеческих судеб из глубин сознания поэта, то объяснить ее возникновение можно только связью Есенина со старообрядческой религией, и ничем больше.

Формально стих поэта окреп, благодаря воздействию Велемира Хлебникова, одного из самых оригинальных и своеобразных поэтов современности. Смелость образов и обостренность ритмов — вот благотворный для Есенина

результат нового влияния. Для доказательства привожу два характерных отрывка:

«И золотые черепа растений застряли на утесах»
(В. Хлебников)

«Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад» (С. Есенин)

Обоих поэтов сближает отношение к революции. Вначале Хлебников восторженно приветствует Октябрь, потом не менее страстно отворачивается от него. В одном из стихотворений он изображает, как падает на землю срубленный тополь, терзаемый жестокими ударами топоров. Скоро погибнет жизнь, которая клокочет в стволе, умрут захарканные грязью листья. Хлебникову кажется, что вся Россия — это тоже срубленный тополь. И горько сердцу от предчувствия, что вековая культура нашей страны будет взята в топоры.

В маленьких поэмах «Кобыльи корабли» и «Сорокоуст» Сергей Есенин развивает сходные идеи. Две этих вещи порождены разочарованием и невыносимой болью.

Есенин мечтал о рае, о любви, о всеобщем братстве, и вдруг он увидел, что ступени, ведущие в рай, залиты кровью, покрыты горами трупов. А может быть рая и вовсе нет? Мечта воздвигнута в пустоте. Все бред и фанатизм. («Веслами отрубленных рук вы гребетесь в страну грядущего»).

В годы массового разгула террора Сергей Есенин поднимает протест против организованного насилия. Уже тогда он перестает быть крестьянским поэтом, а становится общерусским, общенациональным мастером слова.

«Кобыльи корабли» и «Сорокоуст» — последние вещи, в которых еще сказывается увлечение Есенина космическим гиперболизмом.

В творческой деятельности поэта наступает новый период. Есенин участвует в созидании русского иммажинизма — нового течения в нашей поэзии. Термин иммажинизм происходит от французского слова «*имаже*», что значит «картина», «образ». Основателями его считаются отщепенцы футуризма Поунд и Луис — английские поэты.

В каждом стихотворении есть слово, образ, чувство, ритм и мысль. С. Максимов справедливо отметил, что у настоящего большого поэта все пять элементов должны быть приведены в гармоническое единство. Футуристы же считают, что ритм — творческая энергия стиха. Остальные элементы должны вращаться вокруг него, как планеты с их спутниками — вокруг солнца.

Ту роль, которую футуристы отводят ритму, иммажинисты предлагают предоставить образу: стихотворение должно с собой представлять «не организм, а толщу образов». Единственным законом искусства «должно быть выявление жизни через образ и ритмику образов», — писал большой поэт и теоретик русского иммажинизма Вадим Першеневич в декларации «Дважды два — пять».

В первые годы НЭП-а такие иммажинисты, как Шершеневич, Рюрик Ивнев, Кусиков, Мариенгоф пользовались известной популярностью.

Бесспорно, что, кроме личной дружбы у Есенина, были какие-то общие точки творческого соприкосновения с иммажинистами: с Ивневым, например, его роднит испуганная любовь к России, с Кусиковым и Шершеневичем — несколько болезненный сексуализм и т. д.

В творчестве иммажинистов, как школы, как литературного течения, был один положительный момент: все они чувствовали, что строй жизни послереволюционной России становится механизированным. Будет создан мир, лишенный души. Близится торжество обесцвеченной жизни, жизни в которой нет красок.

«Верьте: мы из последней касты

И жить нам — недолог срок.

Это мы коробейники счастья,

Кустари задушевных строк.

Скоро выйдут навстречу оравы,

Не знающих чувства в крови,

Машинисты железной славы,

И ремесленники любви» (В. Шершеневич)

Вот почему иммажинисты ввели в поэзию такое буйное цветение красок. Ведь и Виктория Регия, прежде чем скрыться под водой, незадолго до того как погибнуть, сияет особенно яркими переливами красок.

Тем не менее, несмотря на общие точки соприкосновения, Сергей Есенин был близок иммажинистам скорее формально, внешне. По духу и по истокам творчества рязанский поэт отличается от своих сотоварищей.

Сергей Есенин обладал огромной силой чувств. Искренность и глубина эмоций в целом ряде случаев искупают шереховатости его стихотворений и кое-где не совсем грамотные обороты речи. Поэтому даже в стихотворениях, которые можно подвести под иммажинистский канон, на первом месте у Есенина стоит чувство, а не образ.

Если мы посмотрим «Слово о полку Игореве» или такую ветвь фольклора, как заговоры и заклятья, то увидим, что все они кажутся как-бы сотканными из поэтических образов. Мы уже знаем какое значительное воздействие оказала древне-русская культура на творчество Сергея Есенина. Его манера делать стих напластованием тропов, восходит к древне-русской письменности и лишь случайно совпала с устремлениями иммажинистов:

«Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен,
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм!»

В период совместной работы с иммажинистами Сергей Есенин создает много стихотворений, которые очернили его репутацию, создав ему славу «певца хулиганства и кабацкого разгула». Слава эта Есениным незаслужена, да и раздувалась она теми людьми, которые считали, что популярность поэта среди народа и особенно среди молодежи опасна и вредна.

У Есенина есть стихи, в которых сам поэт чувствует себя зверем. Есть вещи, в которых он описывает эмоциональное воздействие алкоголя на душу человека. Но в этих стихотворениях прорывается страстное желание очиститься от скверны. Путь к очищению — учение Христа о любви:

«Мне осталась одна забава,
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
Ах, какая смешная потеря,

Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Желание поэта:

«Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие и благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.»

Да и в слово хулиганство Сергей Есенин вкладывал совсем иной смысл, нежели мы: для него хулиганство это бешенный, страстный протест человеческой личности против порабощения ее коллективом, против тех, кто делает толпу слепым и послушным орудием своей воли.

Интересно, что Есенин очень любил песни, которые распевались в русских пивных и деревенских трактирах. Но что это были за песни?

Самой любимой была песнь о бродяге, который бежит с Сахалина:

«Жена найдет себе другого,
А мать сыночка — никогда.»

Не перекликается ли эта песнь со стихотворением поэта, посвященным матери?

В этот период влияние русской народной песни в творчестве Есенина вытесняется цыганским романсом, в котором поэт оценил не только огненный вихрь страсти («Вечер черные брови насопил»), но и усталую нежность безнадежной любви («Я помню, любимая, помню»).

Роль цыганского романа в истории русской поэзии не изучена. А небезынтересно, что и Апполон Григорьев и Блок, вслед за Пушкиным и Некрасовым, преображали мотивы цыганских песен.

И у Есенина есть стихи, которые мы имеем право сравнивать с лучшими вещами Григорьева и Блока, проникнутыми цыганскими мотивами:

«Не смотри на ее запястья
И с плечей ее вьющийся шелк,
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.»

В последние годы жизни Сергей Есенин создал наиболее значительные свои произведения: «Русь уходящая».

«Русь советская», «Черный человек» и «Страна негодяев» (драматическая поэма, которая поэтом неокончена и не-отделана); здесь мы наблюдаем поворот Есенина к реализму. Поэт пытается разобраться в событиях, происшедших после революции и определить свое отношение к тому, что произошло.

Жизнь потеряла ценность. Жизнь утратила краски. Человек, которого объявили гордым строителем нового мира, жалок и ничтожен. Быть может, это мнение и ошибочно, но горечь от сознания ошибки не утихает, а напротив, становится еще более безисходной.

Будь проклят бунт, если он отравляет жизнь человека, если под корень подрубает устой этой жизни.

Жизнь есть ад. Нет сил жить в этом аду — вот идея «Черного человека» — самого сильного и самого страшного из того, что создано Есениным.

Неужели борьба народа за крестьянский рай привела Россию к предвериям ада?

Неправда, были люди, которые пришли в мир, чтобы принести не мир, но меч, с целью поразить им врагов крестьянских идеалов: вот центральная мысль «Страны негодяев». Эту мысль поэту не удалось осуществить до конца. Он умер, так и не окончив начатой им драматической поэмы.

Сергей Есенин покончил жизнь самоубийством в гостинице «Англетер», что расположена рядом с Исакиевским собором. Бронзовый ангел, стоящий на крыле собора, по странному стечению обстоятельств, глядит в окно той комнаты, где поэт доконал себя.

В глазах ангела — страдание и скорбь, как будто ему больно, что любимый всем народом русский национальный поэт сжег себя так безжалостно и ненужно.

Вячеслав Завалишин.

Стихотворения

(1910 — 25 г. г.)

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленькой матке
Зеленое вымя сосет.

1910.

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок,
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра.

1911.

Хороша была Танюша, краше
не было в селе,
Красной рюшкою по белу сара-
фан на подоле.
У оврага за плетнями ходит
Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане во-
дит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился ку-
черявой головой:
— Ты прощай ли, моя радость,
я женюся на другой.
Побледнела, словно саван, схо-
лодела, как роса.
Душегубкою — змеею разви-
лась ее коса.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купьри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

— Ой, ты, парень синеглазый,
не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказать: за
другого выхожу,
Не заутренние звоны, а вен-
чальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, вер-
ховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — пла-
чет Танина родня,
На висках у Тани рана от ли-
хого кистеня.
Алым венчиком кровинки за-
пеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше
не было в селе.

Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха.
Выходи встречать к околице,
красотка, жениха,
Васильками сердце светится,
горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про
синие глаза.

1912.

То не зори в струях озера
свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшен-
ный, мелькнул за косогор.
Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха.
Пусть послушает красавица
прибаски жениха.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ.

Ты поила коня из горстей в
поводу.
Отражаясь, березы ломались в
пруду.
Я смотрел из окошка на синий
платок,
Кудри черные змейно трепал
ветерок.
Мне хотелось в мерцании пе-
нистых струй
С алых губ твоих с болью со-
рвать поцелуй.

1910.

Но с лукавой улыбкой, брыз-
нув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами
звеня.
В пряже солнечных дней вре-
мя выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоро-
нить.
И под плач панихид, под ка-
дильный канон,
Все мне чудился тихий раско-
ванный звон.

Выткался на озере алый свет
зари.
На бору со звонами плачут
глухари.
Плачет где-то иволга, скоро-
нясь в дупло.
Только мне не плачется — на
душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за
кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под со-
седний стог.

1910.

Зацелую до-пьяна, изомну, как
цвет,
Хмельному от радости пересу-
ду нет.
Ты сама под ласками сбро-
сишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в
кусты.
И пускай со звонами плачут
глухари.
Есть тоска веселая в аlostях
зари.

Дымом половецье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

1910.

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цветуге и росе,
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

1910.

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьянный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

1915.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всеобщей зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою,
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

За лещужною сурьюю —
Забий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин,
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

Задымился вечер, дремлет кот
на брусе.

Кто-то помолился: «Господи
Исусе».

Полыхают зори, курятся ту-
маны,

Над резным окошком — занавес
багряный.

Вьются паутины с золотой по-
вети.

Где-то мышь скребется в за-
творенной клетки...

У лесной поляны — в свяслях
копны хлеба,

Ели, словно копыя, уперлися в
небо.

Закадили дымом под рососою
рощи...

В сердце почивают тишина и
моши.

1912.

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Пойду в скуфье смиренным
иноком

Иль белобрысым босяком,
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожьей борозде.

Рассвет рукой прохлады рос-
ной

Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя на кольца лычных пря-
сел,

Я говорю с самим собой:
«Счастлив, кто жизнь свою ук-
расил
Бродяжной палкой и сумой».

Счастлив, кто в радости убо-
гой,

Живя без друга и врага,
Пройдет преселочной дорогой
Молясь на копны и стога.

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях — гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам —
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтирь читает.

1914.

Чую радуницу Божью, —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иглол,
Мне мерещится Исус.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце — радость детских
снов,

Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

1914.

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю куколь-
ни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой коло-
кольни
Гулкий звон, словно зык чу-
гуна.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы веретенца
Богомолки идут на канон.

1914.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели,
И кричат ему: «Осанна!»

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой.
Заглушил мой слабый крик.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
На подворья с высокой келей-
ки,
На платки их монахи глядят.

На ворота монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чужа воров на гумне.

Шел Господь пытатъ людей в
любови,
Выходил он нищим на ку-
лижку.
Старый дед на пне сухом, в
дуброве
Жамкал деснами зачерствелую
пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке с кляшкою же-
лезной,
И подумал: — «Вишь, какой
убогий, —
Знать, от голода качается, бо-
лезный».

Подошел Господь, скрывая
скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не раз-
будишь...
И сказал старик, протягивая
руку:
— На, пожуй... маненько
крепче будешь.

1914.

ОСЕНЬ.

Р. В. Иванову.

Тихо в чаще можжевеля по
обрыву.
Осень — рыжая кобыла, чешет
гриву.

Схимник-ветер шагом острож-
ным
Мнет листву по выступам до-
рожным.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримоу
Христу.

1914.

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа.
— Ходи, мой сын, живи без
крова,
Зорьей и полднью у куста.

Я вижу — в просиничном
плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С пречистым Сыном на руках.

И в каждом страннике убогом
Я вызнать пойдю с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной кляукой.

И может быть, пройду я мимо,
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херу-
вима,
А под пеньком — голодный
Спас.

1914.

Гой ты, Русь моя родная!
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914.

Я — пастух; мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шопот сосняка.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья,
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914.

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

1914.

Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Светят зелено в сутемы
Под росую тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветлами к реке.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год,
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглядала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех - то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой - ризюю.
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом.
Как метель, черемуха,
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и былъ,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914.

Заглушила засуха засевок,
Сохнет рожь и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядащий:
«Спаси Господи люди Твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кражистых

сил:

«Еще молимся братья о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».

Заливались веселые птицы,
Крапал брызгами поп из гор-
стей,
Стрекотуньи сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рошей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по больнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и взды-
хая,

Говорили промеж мужики:
— Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки.

На коне—черной тучице в сан-
ках
Билось пламя—шлея... синь и
дрожь.
И кричали парнишки в едан-
ках:
— Дождик, дождик, полей нашу
рожь!»

1914.

Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам — белый перезвон.	Пойте в чаще, птахи, я вам подпою, Похороним вместе молодость мою.
Тянется деревня с празднично- го сна, В благовесте ветра — хмельная весна.	Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам — белый перезвон.

На резных окошках — ленты и
кусты.
Я пойду к обедне плакать на
цветы.

1914.

Зашумели над затоном трост- ники. Плачет девушка-царевна у реки.	На березке пообъедена кора, — Выживают мыши девушку с двора.
Погодала красна девица в семик, Расплела волна венок из по- видик.	Бьются кони, грозно машут го- ловой, — Ой, не любит черны косы до- мовой.
Ах, не выйти в жены девушке весной, Запугал ее приметами лесной.	Запах ладана от рощи ели льют, Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку
грустна,
Ткет ей саван нежнопенная
волна.

1914.

Туча кружево в роще связала, Закурился пахучий туман. Еду грязной дорогой с вокзала, Вдалеке от родимых полян.	Лес застыл без печали и шума, Виснет тень, как платок за сосной, Сердце гложет плакучая дума... Ой, не весел ты, край мой родной.
---	--

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

В ХАТЕ.

Пахнет рыхлыми драконами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке — нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914.

По селу тропинкой кривень-
кой,
В летний вечер голубой,
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали на село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, — догони!

Над зелеными пригорками
Развивались платки.
По полям, бредя с кошколками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остольные деньки.

1914.

Черная, потом пропахшая
выть,
Как мне тебя не ласкать, не
любить.

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет бла-
годать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил та-
ганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах
зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская
боль.

1914.

Топа да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей.
Темным елям снится
Гомон косарей.

1914.

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, —
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь — под пологом зеленым,
Кадит черемуховый дым,
И за долинами по склонам
Свивает польмя над ним.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!

О, сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таятся гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири
И горб Уральского хребта.

1915.

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, залумчивый и неж-
ный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

1915.

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сирот-
ливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей
лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и
Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они — убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

1915.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О, други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенья канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

Много зла от радости в убий-
цах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых ли-
цах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу —
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому-ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямяю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

И неволью в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

1915.

КОРОВА.

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке,
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Жалобно, грустно и тоще,
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

1915.

Под красным вязом крыльцо и
двор,
Луна над крышей, как злат
бугор.

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.

Он смуглой горстью меж тихих
древ
Бросает звезды — озимой сев.

Взростает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в
глушь.

1915.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок,
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом сее,
С той же сыновьей судьбой,
Свяжут ей петлю на шею
И поведут на убой.

Я помню время — оно, как
звук,
Стучало клювом в древесный
сук.

Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный
шум.

В меже под елью, где облак —
тын,
Мне снились реки златых
долин.

И слышал дух мой про край
холмов,
Где есть рожденье в посевах
слов.

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.

Снова выплыл из роши
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Волга под ивой,
Ты поник головой.

1916.

Твой глас незримый, как дым
в избе,
Смирненным сердцем молюсь
тебе.

Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.

Рудю солнца посеян свет,
Для вечной правды названья
нет.

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.

1916.

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма ветер черный,
И луна, как в белой зыбке.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Для закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожжи
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

В незримых пашнях растут
слова,
Смешалась с думой ковыль-
трава.

На крепких сгибах воздетых
рук
Возводит церкви строитель —
звук.

Есть радость в душах, топтать
твой цвет,
На первом снеге свой видеть
след.

Но краше кротость и стихший
пыль,
Склонивших веки пред звоном
крыл.

Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, терп-
кий,
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит брит-
ву...
Вон, уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее польмя
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра, над церковными
главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными тра-
вами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равни-
ною
Дорога мне зеленая ширь,
Полюбил я тоской журавли-
ною

На высокой горе монастырь.
Каждый вечер, как синь зату-
манится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная стран-
ница.
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жи-
теля,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолишь перед ликом Спаси-
теля
За погибшую душу мою.

1916.

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливаётся задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваясь, пляшет,
То выныряя, то пропав.
Не заморозит, не обманет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.

Там синь и польмя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине, —
Я по тебе в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

1916.

ТАБУН.

<p>В холмах зеленых табуны Сдувают ноздрями золотой на- лет со дней. С бугра высокого в синеющий Упала смоль качающихся грив.</p> <p>Дрожат их головы над тихою И ловит месяц их серебряной Храпя в испуге на свою же Зазастить гривами они ждут</p>	<p>Весенний день звенит над кон- ским ухом С приветливым желаньем к первым мухам. Но к вечеру уж кони над лу- гами Брыкаются и хлопают ушами.</p> <p>Все резче звон, прилипший на копытах, То тонет в воздухе, то виснет на ракетах. И лишь волна потянется к звезде, Мелькают мухи пеплом на воде.</p>
--	---

* * *

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их
губам,
Уносит думы их к неведомым
лугам.
Любя твой день и ночи тем-
ноту,
Тебе, о родина, сложил я пес-
ню ту.

О товарищах веселых —
О полях посеребренных,
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким ключом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пож-
ням
Шлет поклон день ласк и ви-
шен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приавшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случай-
ный

На горах твоих земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Но с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставляю никому.

Но за мир твой, с выси звезд-
ной,

В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Тучи с ожереба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо, словно вымя,
Звезды, как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

1916.

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водооя,
На шишкоперой лебеде,
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

1916.

Алый мрак в небесной черни
Начертал пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Не легка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

1919.

Прощай родная пуца,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

1916.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до роши
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам,
К правде сошьего креста
Светом книги голубиной
Напоить свои уста.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать,
И радостью звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

ЛИСИЦА.

А. М. Ремизову.

На раздробленной ноге приколо-
выяла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмеже-
вала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем
дыме выстрел.
Кольхалася в глазах лесная
топь.
Из кустов косматый ветер
взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.
1916.

О, Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушечий рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Ключев,
Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит Пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.
1916.

Как желна, над нею мгла ме-
талась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель
пожаром.
На губах — как прелая мор-
ковь...
Пахло инеем и глиняным уга-
ром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роєм
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь, ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноеть,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла гедоть
Воспрягнувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилища,
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи теплятся пред тай-
ной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
1919.

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просто-
рам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.
1915.

О, Боже, Боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас,
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

Понятен мне земли глагол,
Но не страхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не встряхнут хво-
стами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И не обмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящую восток
Пролей на нашу плоть.

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасенных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

1916.

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий, мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Льет часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

За рекой поет петух —
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.
1917.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогова гостя встречать.

На рассвете он завтра про-
мчится,
Шапку-месяц пригнув под ку-
стом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хво-
стом.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной
кушей
Золотую его дугу.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917.

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни по дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

О, край дождей и непогоды,
Кочующая тишина!
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой —
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.

Мне не нужен вздох могилы—
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

О. Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку!
Люблю до радости, до боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болот-
ный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

Пусть не тот я нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

О, Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны...

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взыграет
В ней, слава день,
Земного рая
Святой младень.

1917.

О, пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
Но в сердце — день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свицут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

1917.

О, край разливов грозных
И тихих вешних сил!
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров
И пас со мной Исая
Мойх золотых коров.

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаше звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягалея в наши сани.

1917.

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О, тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил — печальный
Твой предосенний шум.

1917.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнув-
ших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

1917.

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы — на узду.
Может быть к воротам Господ-
ним

Сам себя я приведу.

1917.

И мне в ответ березка:
— О, любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вздохнув глубоко,
Сказал под звон ветвей:
— Прощай, моя голубка,
До новых журавлей.

Хороша ты, о, белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди обрезать.

О, лесная дремучая муть.
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

Грусть ты или радость теп-
лишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1917.

О, верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О, верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.

Люблю я ропот буйных вод.
И на волне звезды сиянье,
Благословенное страданье,
Благословяющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917.

Песни, песни о чем вы кри-
чите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не страш-
нуть?...

Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип!»

1917.

О, муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол.
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю, —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

1917.

О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зредей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый
Его не смоев в нас,
Чтоб звон твоей лампы
Под ветром не погас.

Мариенгофу.

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый
мост.
За прощальной стою обедней
Калящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый
час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Неживые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый
час!

1921.

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

1918.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

Проплясал, заплакал дождь
весенний,

Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей
Есенин,
Поднимать глаза...

Скучно слушать под небесным
древом

Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напе-
вом
Дедовских могил.

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, зная, в томах
тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет
плечи,

Вытянет персты,
Близок твой кому-то красный
вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и
Блока,

Востормошит других,
Но все так же день взойдет с
востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа.
Навсегда твои пригвождены ко
древу

Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат...
Или, Или, Лима Савахвани
Отпусти в закат.

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над
прудом
Теплит матери старую грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в борode.

1918.

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И посмотреть, как над речкою
режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

1918.

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот ве-
чер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

Хорошо бы на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая ра-
дость —
Все любя, ничего не желать?

1918.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем,
Тем, кто листьев целует дождь.
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь.
Только в скупости чувства
греются,

Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звон-
ница,

Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впускаю я в горницу,
Никому не открою дверь.

И в душе и в долине — про-
хлада,
Синий сумрак, как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть.
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ.

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех покчал в мешок.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915—1919.

По осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вялет.

Полевое, степное «Ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая
осина!

Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.
1920.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

Скоро мне без листвы холодет,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится висте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ.

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания
людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью по
утру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как жел-
тый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп-
овин.
Словно дьякон, на кобылу
гаркнув,
Чтит возница погребальный
чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелят по земле,
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома—это тоже плоть!..
Людоедке—мельнице—зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груди вкусных
явств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы
клясть.

1919.

Все побои ржи в припек окра-
сив,
Грубость жнущих сжав в дух-
мяный сок,
Он вкушающим соломенное
мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как
осень
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

ХУЛИГАН.

Дождик мокрыми метлами чи-
стит
Ивняковый помет по лугам,
Плужет ветер, охапками ли-
ствьев —
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой воны,
Животами, листвою хрипящими
По коленкам марают стволы.

Вот оно мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки
лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны-кув-
шин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови—степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы мой куст.
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова позм.

Но не бойся безумный ветер,
Плужу спокойно листвою по
лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919.

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом
То, наверно, был мошенник и
вор.

Худошавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я педил сквозь кровавый рот:
— «Ничего! Я споткнулся о
камень,
Это к завтраму все заживет.—

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о
камень
Это к завтраму все заживет!

1919.

Мир таинственный, мир мой
древний,
Ты, как ветер затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменистые руки шоссе.

Так испуганно в снежную
выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная
гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке
жестокой
Окрестил нас как падаль и
мразь.
Стынет поле в тоске волоокой
Телеграфными столбами да-
вась.

И теперь вот, когда простыла,
Этих дней кипяtkовая вязь,
Беспокойная дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без
конца
Отражается прежняя удаля
Забянки и сорванца.

Как тогда, я отважный и
гордый,
Только новью мой брызжет
шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

Жилист мускул у дьявольской
выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не
впервые
И распатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колка
Это песня звериных трав!..
...Так охотники травят волка
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмур-
ных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души немного омертвелой.

Ну, что-ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и
сырость.

1923.

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне
лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый
скелет.

Было время, когда из пред-
местья
Я мечтал по-мальчишески в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком,
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых
штиблет.

И известность моя не хуже, —
От Москвы по парижскую
рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная громкая брань.

1923.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной раз-
лад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

И любовь не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы, как жезл.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не
беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески —
в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном, земле и траве,
Что не выразить сердцу сло-
вом
И не знает назвать человек.

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиган-
ством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

1923.

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

1923.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу — там ли, здесь ли,
где-то ль —
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости.

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Вечер черные брови насопил.
Чьи то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость
пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без
следа.
Может, завтра больничная
койка
Успокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-дру-
гому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и чере-
мух,
Чем здоровый живет человек.

Больница на Полянке.
1923.

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и бла-
годать.
Может быть, и скоро мне в
дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей
тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что раскинув
ветви,
Загляделись в розовую воль.

Знаю я, что в той стране не
будет

Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и ей, любимой, другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Той, кого буду звать дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не
была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Много дум я в тишине проду-
мал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и
жил.

Счастлив тем, что целовал я
женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших
меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там
чащи,
Не звенит лебяжьей шейей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

ПИСЬМО МАТЕРИ.

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей
избушкой
Тот вечерний несказанный
свет.

Пишут мне, что ты, тая тре-
вогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном, ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж —
Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский
нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я про-
пойда,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Так забудь же про свою тре-
вогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну, —
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?

Я попрежнему такой же неж-
ный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш
дом.

Я вернусь, когда раскинет
ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет
назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбы-
лось, —
Слишком раннюю утрату и
усталость
Испытать мне в жизни приве-
лось.

И молиться не учи. Не надо!
К старому возврата больше
нет!
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие
годы, —
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком
теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжко
Ковылять из притона в при-
тон, —
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

Снова пьют здесь, дерутся и
плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об
ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так падит мерт-
вячиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся
носом
Им про Волгу поет и про
Че-Ка.

И во мне, все по тем же зако-
нам,
Умиряется бешеный пыл.

Но и все ж отношусь я с пок-
лоном
К тем полям, что когда-то
любил.

В те края, где я рос под кле-
ном,
Где резвился на желтой траве —
Шлю привет воробьям и воро-
нам
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, —
Пусть хоть ветер теперь начи-
нает
Под-микитки дубасить рожь».

Что-то злое во взорах безум-
ных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых
юных,
Что сгубили всю жизнь сго-
ряча.

Жалко им, что Октябрь суро-
вый
Обманул их в своей пурге,
И уж удалю точится новой
Крепко спрятанный нож в са-
поге.

Где ж вы, те, что ушли да-
лече?
Ярко ль светят вам наши
лучи?
Гармонист спиртом сифилис
лечит,
Что в киргизских степях полу-
чил.

Нет! Таких не подмять, не
рассеять.
Бесшабашность им гнилью
дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

Этой грусти теперь не рассы-
пать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда
новым,
Много в сердце теснилось
чувств —
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с
уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый
свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! Какая смешная потеря!
Много в жизни смешных
потерь.
Стыдно мне, что я в Бога
верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие и благодать,
Положили меня в русской ру-
башке
Под иконами умирать.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лоша-
денка,
Заглядевшись в неласковый
пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, что мы знаем о ней.
Пьют и плачут в одно с непо-
годиной,
Дождаясь улыбчивых дней.

Дар поэта — ласкать и каря-
бать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не
сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнезди-
лись —
Значит ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со
мною, —

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в
мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оста-
вит дом.
О всех ушедших грезит коно-
плятник
С широким месяцем над голу-
бым прудом.

Стою один среди равнины
голой,
А журавлей относит ветер
вдаль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне
не жаль.

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у ка-
литки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой на-
кидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие
шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на до-
суге...
В этот вечер вся жизнь мне
мила,
Как приятная память о друге.

Не жаль мне лет, растрачен-
ных напрасно,
Не жаль души сиреневую
цветь.
В саду горит костер рябины
красной,
Но никого не может он со-
греть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметаю,
Сгребет все в один ненуж-
ный ком...
Скажите так... что роща золо-
тая
Отговорила милым языком.

Сад полыщет, как пенный
пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дро-
жал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту
гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца при-
нимаю.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и
отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгли-
стом.

Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандали-
стом.

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по
темницам.

Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным
лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку,
В переулках каждая собака
Знает мою твердую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хоро-
ший,

Каждый стих мой душу зверя
лечит.

Я хожу в цилиндре не для
женщин —

В глупой страсти сердце жить
не в силе —

В нем удобней, грусть свою
уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелею на шею
Я готов отдать мой лучший
галстук.

И теперь я уж болеть не
стану,
Прояснилась омут в сердце
мглистом.

Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

1922.

Да! Теперь решено. Без воз-
врата

Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссуту-
лится,

Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых ули-
цах

Умереть, знать, судил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрызг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

Низкий дом без меня ссуту-
лится,

Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых ули-
цах

Умереть, знать, судил мне Бог.

1922.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... чорт знает
как!

Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове
жутком,

Но всю ночь напролет, до
зари,

Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще
И уж я говорю невпопад:

«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».

Сыпь, гармоника. Скука...
Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так сини-
ми брызгами?
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

Пой же, пой! На проклятой
гитаре
Пальцы пляшут твои в полу-
круг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный
друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине
счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным гла-
зом
Хулигана свела с ума.

Сыпь, гармоника, сыпь, моя
частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сися-
стую, —
Она глупей.

Я средь женщин тебя не пер-
вую...
Не мало вас,
Но с такой вот, как ты, со
стервою,
Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

Пой, мой друг! Навевай мне
снова
Нашу прежнюю, буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой! Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляню.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый
купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах при-
жимал.

Да! Есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим
оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать,
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь — простыня да
кровать.
Наша жизнь — поцелуй да в
омут.

Пой же, пой! В роковом раз-
махе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их...
Не умру я, мой друг, никогда.

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом,
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское дет-
ство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег к плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная
мощь,
Наша печь как-то дико и
странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень
зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпич-
ный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние стра-
ны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь,
Только ближе к родному краю
Мне б хотелось теперь повер-
нуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

Париж, 1923.

СУКИН СЫН.

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче со-
бака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами
клен,
Но припомнил я девушку в
белом,
Для которой был пес поч-
тальон.

Не у всякого есть свой близ-
кий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незна-
ком,
Но о чем-то подогу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным по-
этом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отли-
вом в синь,
С лаем ливисто опалелым
Меня встретил молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе
телом
И, как друга, введу к себе
в дом...
Да, мне нравилась девушка в
белом,
Но теперь я люблю в голубом.

Клен ты мой опавший, клен
заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под
метелью белой?

Или что увидел? Или что
услышал?
Словно за деревню погулять ты
вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя
на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил
ногу.

Ах, и сам я нынче что-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской
попойки.

Там вон встретил вербу, там
сосну приметил,
Распевал им песни под метелью
о лете.

Сам себе казался я таким же
кленом,
Только не опавшим, а во-всю
зеленым.

И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал бе-
резку.

Какая ночь! Я не могу,
Не спится мне. Такая лун-
ность.

Еще, как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только
раз,

Вот отчего ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный,
синий,

На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь не дорожую.

Но все ж лаской и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не
очень,
Все равно калитка есть в
саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924.

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по
рублю:
Как сказать мне для прекрас-
ной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванский
струй,
Как назвать мне для прекрас-
ной Лалы
Слово ласковое «поцелуй».

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже
притая,
Как сказать мне для прекрас-
ной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

1924.

И ответил мне меняла кратко
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь
украдкой,
Да глаза как яхонты горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах,
Красной розой поцелуй веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь мо-
гут руки,
Что срывали черную чадру.

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты Бога ради:
Обучусь когда-нибудь.

Ты сказала: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

19 декабря, 1924.

Я б порезал розы эти, —
Ведь одна отрада мне, —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

Шаганэ, ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ, ты моя Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто
раз,

Как бы ни был красив
Шираз,
Он не лучше рязанских раз-
долий,
Потому, что я с севера, что ли.

Шаганэ, ты моя, Шаганэ!
Там на севере девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ, ты моя, Шаганэ.

1924.

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхаемое голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с карава-
ном,
Не возил я шелк туда и ну.
Наклонись своим красивым
станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько не проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

1924.

Я готов рассказать тебе поле.
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся,
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не
кляню.
Расскажи, мне что-нибудь
такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску таль-
янки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не ску-
чал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем,
Все равно — глаза твои, как
море,
Голубым колышутся огнем.

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышет глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреть песни теплотою.

Август, 1925.

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я кожу равниной рус-
ской
Под шуршащим пологом ту-
мана», —

Так спросил я, дорогая Лаала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не ска-
зала,
К небу гордо головы завывсив.

«Отчего луна так светит груст-
но?» —
У цветов спросил я в тихой
чаще,
И цветы сказали: «Ты почув-
ствуй
По печали розы шелестящей».

Август, 1925.

Я не знаю, как мне жизнь про-
жить —
Догореть ли в ласках милой
Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для
глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит он вовек не из
Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
ней,
Да сгубила пара лебедей.

Лепестками роза расплеска-
лась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласка-
лась,
Шаганэ другого целовала».

Говорила: «Русский не заме-
тит...
Сердце — песнь, а песне — жизнь
и тело».
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось из-
меня,
Слез и мук, кто ждал их, кто
не хочет.
Но и все ж вовек благосло-
венны
На земле сиреневые ночи.

Глупое сердце не бойся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце не бойся!

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь
Лале, склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь,
Глупое сердце не бойся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бойся!
Август, 1925.

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышешь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песнь в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты ребенок — в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

1925.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду.
Только удела желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бойся!

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бойся!

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна!
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тених твоих ветвей
Обнимает розу соловей.

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздолье,
Чтобы было для тебя известней,
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой.
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну, и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

Август, 1925.

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабить о ласковом уресе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы как светильники горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша, ты, Персия, я знаю.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь!
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март. 1925.

ПУШКИНУ.

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О, Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня, хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе —
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Низкий дом с голубыми став-
нями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недав-
ними
Отзвучавшие в сумрак года.

И сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким сит-
цем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в
глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской
души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканием в тощие
дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да раkitник, кривой и безли-
стый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться.
И под этим дешевеньким сит-
цем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недав-
ними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми став-
нями,
Не забыть мне тебя никогда.

СОБАКЕ КАЧАЛОВА.

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Ты по-собачьи дьявольски кра-
сив,
С такую милою доверчивой
приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь
целоваться.

Пожалуйста, голубчик, не ли-
жись.
Пойми со мной хоть самое
простое.
Ведь ты не знаешь, что такое
жизнь,
Не знаешь ты, что жить на
свете стоит.

Мой милый Джим, среди тво-
их гостей
Так много всяких и невсяких
было.
Но та, что всех безмолвней и
грустней,
Сюда случайно вдруг не захо-
дила?

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме
много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной по-
трогать.

Она придет, даю тебе поруку,
И без меня, в ее уставясь
взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно
руку
За все, в чем был и не был ви-
новат.

1925.

Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь,
после гроз,
И душа моя, поле безбрежное,
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню,
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопы-
тили.
И пропали под дьявольский
свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо
ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобою про-
ехали
Через бурный положенный
путь.

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести польнь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою
тепльнь.

Знать, у всех у нас такая
часть,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и
длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журав-
линый
Не разлюбит отчие поля.

Июль, 1925.

И теперь, когда вот новым
светом
И моей коснулась жизнь
судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изго-
ловью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет
новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той тесни-
мый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий стран-
ник.

Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивою, —
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь не даром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
Жил и не жил бедный стран-
ник...

В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Июль, 1925.

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь
в душе испуг.
И сердце под рукой теперь
больней и ближе.
И чувствую сильней простое
слово: друг.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для Единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прить,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

Прощай, Баку! Синь тюркская,
прощай!
Хладеет кровь, ослабевают
силы.
Но донесу, как счастье, до
могилы
И волны Каспия и балахан-
ский май.

Прощай Баку! Прощай, как
песнь простая!
В последний раз я друга
обниму...
Чтоб голова его, как роза
золотая,
Кивала нежно мне в сирене-
вом дыму.

Май, 1923.

Эх, вы, сани! А кони, кони!
Видно, чорт их на землю при-
нес.
В залихватском степном раз-
гоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
Вдалеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой
ночи, —
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена
охапку, —
Вспоминай лишь, как звали
меня!

И откуда бралась осанка!
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

1925.

Ночь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит
Саваоф,
Хлесткий ветер в равнинную
синь

Катит яблоки с тощих осин.
Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской
сентября,

Смолкшим колоколом над
прудом
Опрокинулся отчий дом.
Здесь все также, как было
тогда,

Те же реки и те же стада,
Только ивы над красным
бугром
Обветшалым трясут подолом.
Кто-то сгиб, кто-то канул во
тьму

Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.
Тихо, тихо в Божничном углу

Месяц месит кутью на полу,
Но тревожит лишь поминком
тишь
Из-за печья пугливая мышь.

1918.

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде, ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Ведь радость бывает редко.
Как вешняя звень поутру,
И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмостреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почувал
Тот, кто вьется в вышине.

Увядаящая сила!
Умирать — так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной круж-
кой

Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925.

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Август, 1925.

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рождью
И наполняешь тишь полей
Твоей рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

Но, погребальный грусти
внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

Август, 1925.

Что желать под житейскою
ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она василько-
выми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под эту белою лунно-
стью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется также мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Жизнь — обман с чарующей
тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потре-
вожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.»

«Обратись лицом к седому
небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не
требуй
Правды той, что не нужна
тебе».

Но и все ж, теснимый и гони-
мый,
Я смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и лю-
бимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Август, 1925 г.

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь,
тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность ту,
что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли,
дорога.
Пусть несется песня к милой
до порога.

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь —
стезя.

Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным
словом,
Пусть острее бритвы злой
язык, —
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Пусть она услышит, пусть она
поплачет.
Ей чужая юность ничего не
значит.
Ну, а если значит — проживет
не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты,
моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, пес-
ня, звяньше.
Все равно не будет то, что бы-
ло раньше.
За былую силу, гордость и
осанку
Только и осталась песня под
тальянку.

Сентябрь, 1925.

Слышишь — мчатся сани, слы-
шишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле за-
теряться.

Эх, вы, сани, сани! Конь ты
мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует
пьяный.

Ветерок веселый робок и за-
стенчив,
По равнине голой катится бу-
бенчик.

Мы к нему подъедем, спросим
— что такое?
И станцуем вместе под тальян-
ку трое.

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.
Мчится на тройке чужая мла-
дость.
Где мое счастье? Где моя ра-
дость?
Все укатилось под вихрем бой-
ким
Вот на такой же бешеной
тройке.

Октябрь, 1925.

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не
сказал.
Милая спросила: «Крутит ли
метель?
Затопить бы печку, постелить
постель».

Я ответил милой: «Нынче с
высоты
Кто-то осыпает белые цветы.
Затопи ты печку, постели
постель,
У меня на сердце без тебя
метель».

Октябрь, 1925.

Вечером синим, вечером лун-
ным
Был я когда-то красивым и
юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече...
мимо...
Сердце остыло и выцвели
очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

Октябрь, 1925.

Синий туман. Снеговое раз-
долье,
Гонкий лимонный лунный
свет.
Сердцу приятно с тихой болью
Что-нибудь вспомнить из ран-
них лет.

Снег у крыльца, как песок зы-
бучий.
Вот при такой же луне без
слов,
Шапку из кошки на лоб на-
хлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край роди-
мый.
Кто меня помнит? Кто поза-
был?
Грустно стою я, как странник
гонимый —
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил
я бабу,
Вспомнил кладбищенский рых-
лый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей ни
радей, —
Вот почему так тянусь я к
людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не за-
плакал
И, улыбаясь, душой погас, —
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний
раз.

Октябрь, 1925.

Свищет ветер, серебряный
ветер,
В шелковом шелесте снежного
шума.
В первый раз я в себе заме-
тил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая
сырость,
Я не жалею и я не печален.
Мне все равно эта жизнь по-
любилась,
Так полюбилась, как будто
вначале.

Взглянет ли женщина с тихой
улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка проскачет дорогой зыб-
кой —
Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи,
Счастье людское землей
любимо,
Тот, кто хоть раз на земле за-
плачет,
Значит удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нуж-
но проще,
Все принимая, что есть на
свете.
Вот почему, обалдев над рощей
Свищет ветер, серебряный
ветер.

1925.

Годы молодые с забубенной славой, Отравил я сам вас горькою отравой.	«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!» Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.
Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли — Были синие глаза, да теперь поблекли.	Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья. Вдруг толчек... и из саней прямо на сугроб я.
Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно. В поле, что ли? В кабаке? Ни- чего не видно.	Встал и вижу: что за чорт — вместо бойкой тройки... Забинтованный лежу на боль- ничной койке.
Руки вытяну — и вот слушаю наощупь: Едем... кони... кони... снег... про- езжаем рощу.	И заместо лошадей, по дороге тряской, Бью я жесткую кровать мокрую повязкой.
«Эй, ямщик, неси во-всю! Чай, рожден не слабым! Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».	На лице часов в усы закрути- лись стрелки. Наклонились надо мной сон- ные сиделки.
А ямщик в ответ одно: «По такой метели Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».—	Наклонились и хрипят: «Эх, ты златоглавый, Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец бли-
зок ли, далек ли —
Синие глаза твои в кабаках
промокли».

**Стихотворения, даты которых
не выяснены**

1915

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся
мак.

Кротко я с грустью стоял у
стенки:
Все они пели и были пьяны.

Громко звенит за селом коро-
год,
Там она, там она песни поет.

Счастье его, что в нем меньше
стыда,
В шею ей лезла его борода.

Помню, как крикнула, шигая в
сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу
не люб:

Свившись с ним в жгучее
пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в
липо.

Кольца кудрей твоих ветрами
жжет,
Гребень мой вострый другой
бережет».

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся
мак.

Знаю, чем чужд ей и чем ей не
мил:
Меньше плясал я и меньше
всех пил.

Маком влюбленное сердце
цветет...
Эх, да не мне она песни поет.

ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР.

1923/51

Теплый вечер грызет воровато
Луговые поемы и пни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Не силен тот, кто радости про-
сит:
Только гордые в силе живут;
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Чистит месяц в соломенной
крыше
Обойменные синюю рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Не с тоски я судьбы поджи-
даю;
Будет злобно крутить пороша,
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Не беда, что и я видел зыбку:
Эта скорбь ее сердца не жжет;
Только девичью честь и улыбку
Для другого она бережет.

Снимет шубу и шали развя-
жет.
Примостится со мной у огня...
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

ПОРОША.

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

19/4
Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

ЯМЩИК.

19/4
За ухабины степные
Мчусь я лентой пустырей.
Эй, вы, соколы родные,
Выносите поскорей!

Низкорослая слободка
В повечерешнем дыму.
Заждалась меня красotka
В чародейном терему.

Светит в темень позолотой,
Размалевана дуга.
Ой, вы, санки-самолеты,
Пуховитые снега!

Звоны резки, звоны гулки,
Бубенцам в шлее—не счет.
А как гаркну на прогулке,
Выбегает весь народ.

Выйдут парни, выйдут девки
Славить зимни вечера,
Голосатые запевки
Не смолкают до утра.

ВЕЧЕР.

19/5
На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.

По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод

Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый,
Ломит шапку на бекрень.

Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

МОЛИТВА МАТЕРИ.

На краю деревни
Старая избушка,
Там перед иконой
Молится старушка.

Молится старушка,
Сына поминает, —
Сын в краю далеком
Родину спасает.

Молится старушка,
Утирает слезы,
А в глазах усталых
Расцветают грезы.

Видит она поле, —
Это поле боя,
Сына видит в поле —
Павшего героя.

На груди широкой
Запеклася рана,
Сжали руки знамя
Вражеского стана.

И от счастья с горем
Вся она застыла,
Голову седую
На руки склонила.

И закрыли брови
Редкие сединки,
А из глаз, как бисер,
Сыплются слезинки.

«УЗОРЫ».

Девушка в светлице вышивает
ткани,
На канве в узорах — копыта и
кресты.
Девушка рисует мертвых на
поляне,
На груди у мертвых — крас-
ные цветы.

Нежный шелк выводит храбро-
го героя,
Тот герой отважный — принц
ее души.
Он лежит, сраженный в жар-
кой схватке боя,
И в узорах крови смяты ка-
мышы.

Кончены рисунки. Лампа до-
горает.
Девушка склонилась. Помутил-
ся взор.
Девушка тоскует. Девушка ры-
дает.
За окошком полночь чертит
свой узор.

Траурные косы тучи разме-
тали,
В пряди тонких локонов впута-
лась луна.
В трепетном мерцаньи, в белом
покрывале
Девушка, как призрак, плачет
у окна.

1976
Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер над кукуаном
Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких ветел
Перепелъи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.

Чей-то мягкий лих за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.

В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны молодые были.

А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.

Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшею порою.
Все тот же розовый платок
Застегнут смуглою рукою.

Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.

И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом
жизни.

О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне.

ПАСХАЛЬНЫЙ БЛАГОВЕСТ.

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

1974
Скрылась за рекою
Бледная луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

РУСЬ.

Занеслися зеленою пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

1975
Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.

13/11 - 1925

Может, поздно, может, слишком
рано,
И о чем не думал много лет,
Походив я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветренный поэт.

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

Что случилось, что со мною
сталось?
Каждый день я у других
колен.
Каждый день к себе теряю
жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

На душе лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь
туман, —
За свободу в чувствах есть
расплата,
Принимай же, вызов, Дон-
Жуан.

Я всегда хотел, чтоб сердце
меньше
Билось в чувствах нежных и
простых,
Что ж ищу в очах я этих
женщин —
Легкодумных, лживых и
пустых?

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить сирень за синий цветень
мая,
Звать любовью чувственную
дрожь.

Так случилось, так со мною
сталось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыба-
лось,
Не смиряясь с горечью измен.

18/11/1925

Я иду долиной. На затылке
кепи.
В лайковой перчатке смуглая
рука.
Далеко сияют розовые степи,
Хорошо синее тихая река.

Выйду на дорогу, выйду под
откосы, —
Сколько там нарядных мужи-
ков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты
иль не слаб?»

Я — беспечный парень. Ниче-
го не надо.
Только б слушать песни —
сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая
прохлада,
Только б не сгибалась молодая
стать.

На земле милее. Полно плавать
в небо.
Как ты любишь доли, так бы
труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль
крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи
свой пыл.

Ах, перо не грабли, ах, коса не
ручка —
Но косою выводят строчки
хоть куда,
Под весенним солнцем, под
весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К чорту я снимаю свой костюм
английский.
Что же, дайте косу, я вам
покажу, —
Я ли вам не свойский, я ли
вам не близкий,
Памятью деревни я ль ре
дорожу?

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

А с луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Светит — хоть кинься в воду.
Ах, у луны такое

Заждалася сына дряхлая вдо-
вица,
День и ночь горюя, сидя под
божницей.
Вот прошло — проплыло уж
второе лето,
Снова снег на поле, а его все
нету.

Села и прижалась, смотрит
кротко, кротко...
— На кого ж похож ты, свет-
логлазый отрок...
— А! — сверкнули слезы над
увящим усом, —
Это ты, о сын мой, смотришь
Иисусом!

Нипочем мне ямы, нипочем
мне кочки,
Хорошо косою в утренний
туман
Выводить по долам травяные
строчки,
Чтобы их читали лошадь и
баран.

В этих строчках песня, в этих
строчках слово;
Потому и рад я в думах ни о
ком,
Что читать их может каждая
корова,
Отдавая плату теплым молоком.

Милая, ты ли? Та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? Та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, то будет.
Близко, а, может, где-то
Плачет веселая флейта.
В тихом весеннем гуде
Чту я за дилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

Подошла, взглянула в мутное
окошко...
— Не одна ты в поле катишь-
ся, дорожка!»
Свищет сокол — ветер, бредит
тихим Доном.
— Хорошо-б прижаться к золо-
тым иконам...

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.
В сердце — тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылку рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

Я ПОМНЮ.

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Нерадостно и нелегко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней.
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
— Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда.

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

ПРОЩАНИЕ С МАРИЕНГОФОМ. 1532

Есть в дружбе счастье огол- телое	Прощай, прощай! В пожарах лунных
И судорога буйных чувств, — Огонь растапливает тело, Как стеариновую свечу.	Дождусь ли радостного дня? — Среди прославленных и юных Ты был всех лучше для меня.
Возлюбленный мой! Дай мне руки —	В такой то срок, в таком то годе
Я по-иному не привык, — Хочу омыть их в час разлуки Я желтой пеной головы.	Мы встретимся, быть может, вновь...
	Мне страшно, — ведь душа проходит, Как молодость и как любовь.
Ах, Толя, Толя, ты-ли, ты-ли, В который миг, в который раз —	Другой в тебе меня заглушит, Не потому ли — в лад речам Мои рыдающие уши
Опять, как молоко, застыли Круги недвижущихся глаз.	Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай! В пожарах
лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж среди трепетных и
юных
Ты был всех лучше для меня.

Неуютная жидкая лунность И тоска бесконечных равнин, — Все что видел я в резвую юность, Что, любя, проклинал не один.	Мне теперь по душе иное... И в чахоточном свете луны Через каменное и стальное Вижу мощь я родной страны.
По дорогам усохшие вербы И тележная песня колес... Ни за что не хотел я теперь бы, Чтоб мне слушать ее приве- лось.	Полевая Россия! Довольно Волочиться сохой по полям! Нищету твою видеть больно И березам и тополям.
Равнодушен я стал к лачугам, И очажный огонь мне не мил, Даже яблонь весеннюю вьюгу Я за юность полей разлюбил.	Я не знаю, что будет со мною... Может, в новую жизнь не гожусь, Но и все же хочу стальнойю Видеть бедную, нищую Русь.

И внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и
гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных
колес.

Чокит 1925

Плачет метель, как цыганская скрипка,	Так мы далеки и так не схожи, —
Милая девушка, злая улыбка, Я ль не робею от синего взгляда?	Ты молодая, а я все прожил. Юношам счастье, а мне лишь память
Много мне нужно и много не надо.	Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне
скрипка,
Сердце метелит твоя улыбка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Творчество Сергея Есенина</i>	
Вступительная статья	7
<i>Стихотворения 1910-25 г.г.</i>	
Там, где капустные грядки	20
Темна ноченька, не спится	20
Хороша была Танюша	20
Заиграй, сыграй, тальяночка	21
Подражание песни	21
Выткался на озере алый свет зари	21
Дымом половодье зализало ил	22
Сыплет черемуха снегом	22
На петлях висят баранки	22
Задымился вечер	23
Край любимый	23
Пойду в скуфье смиренным иноком	23
Сохнет стаявшая глина	24
Чую радуницу Божью	24
По дороге идут богомолки	24
Шел Господь пытать людей в любви	25
Осень	25
Не ветры осыпают пуши	25
Гой ты, Русь моя родная	26
Я — пастух; мои палаты	26
Страна ль моя,	26
Край ты мой заброшенный	27
Заглушила засуха засевки	27
Троицыно утро, утренний канон	28
Зашумели над затоном тростники	28
Туча кружево в роще связала	28
В хате	29
По селу тропинкой кривенькой	29
Черная, потом пропахшая выть	30
Тоги да болота	30
За темной прядью перелесиц	30
Я снова здесь в семье родной	31
В том краю, где желтая крапива	31
Не напрасно дули ветры	32
Корова	32
Под красным вязом крыльцо и двој	32

Покраснела рябина	33
Твой глас незримый	33
В лунном кружеве украдкой	33
За горами, за желтыми долами	34
Опять раскинулся узорно	34
Табун	35
О товарищах веселых	35
Там,, где вечно дремлет тайна	36
Тучи с ожереба	36
Весна на радость не похожа	37
Алый мрак в небесной черни	37
Прощай родная пуща	37
Лисица	38
О, Русь, взмахни крылами	38
Душа грустит о небесах	39
Устал я жить в родном краю	39
О, Боже, Боже, эта глубь	39
Гляну в поле, гляну в небо	40
Где ты, где ты, отчий дом	40
Разбуди меня завтра рано	40
Запели тесаные дроги	41
О, край дождей и непогоды	41
Колокольчик среброзвонный	41
О, Матерь Божья	42
О пашни, пашни	42
Нивы сжаты, рощи голы	42
Зеленая прическа	43
Я по первому снегу бреду	43
Серебристая дорога	43
Отвори мне, страж заоблачный	44
О, верю, верю	44
Песни, песни о чем вы кричите	44
О, муза, друг мой гибкий	45
Я последний поэт деревни	45
Вот оно, глупое счастье	46
Проплясал, проплакал дождь весенний	46
Я покинул родимый дом	47
Хорошо под осеннюю свежесть	47
Закружилась листва золотая	47
Песнь о собаке	48

По осеннему кичет сова	48
Песнь о хлебе	48
Хулиган	49
Все живое особой метой	50
Мир таинственный, мир мой древний	50
Сторона-ль ты моя, сторона	51
Не ругайтесь. Такое дело	52
Не жалею, не зову, не плачу	52
Мне грустно на тебя смотреть	53
Ты прохладой меня не мучай	53
Пускай ты выпита другим	54
Дорогая, сядем рядом	54
Вечер черные брови насупил	55
Мы теперь уходим понемногу	55
Письмо матери	56
Я усталым таким еще не был	56
Снова пьют здесь	57
Этой грусти теперь не рассыпать	58
Мне осталась одна забава	58
Отговорила роща золотая	59
Синий май. Заревая теплынь	59
Я обманывать себя не стану	60
Да! Теперь решено. Без возврата	60
Сышь гармоника. Скука	61
Пой же, пой! На проклятой гитаре	61
Эта улица мне знакома	62
Заметался пожар голубой	63
Ты такая ж простая, как все	63
О красном вечере задумалась дорога	64
Не бродить, не мять в кустах багряных	64
Сукин сын	65
Клен ты мой опавший	66
Какая ночь! Я не могу	66
Снежная заметь дробится и колется	67

Персидские мотивы

Улеглась моя былая рана	67
Я спросил сегодня у менялы	68
Ты сказала, что Саади	68

Золото холодное луны	69
Оглянись, как хорошо кругом	69
В Хороссане есть такие двери	69
Шаганэ, ты моя, Шаганэ	70
Никогда я не был на Босфоре	70
Свет шафранный вечернего края	71
Воздух прозрачный и синий	71
Руки милой — пара лебедей	72
«Отчего луна так светит тускло	72
Глупое сердце не бейся	73
Голубая да веселая страна	73
Быть поэтом — это значит то же	74
Магомет перехитрил в Коране	74
Голубая родина	74

☆ ☆

☆

Пушкину	75
Низкий дом с голубыми ставнями	75
Собаке Качалова	76
Несказанное, синее, нежное	76
Песня	77
Спит ковыль. Равнина дорогая	78
Не вернусь я в отчий дом	78
Вижу сон. Дорога черная	79
Прощай, Баку! Тебя я не увижу	79
Каждый труд благослови, удача	80
Видно, так заведено навеки	80
Эх вы сани! А кони, кони	81
Ночь и поле, и крик петухов	81
Заря окликает другую	82
Ну, целуй меня, целуй	82
Листья падают, листья падают	83
Гори, звезда моя, не падай	83
Жизнь — обман с чарующей тоскою	84
Сыпь, тальянка, звонко	84
Ты запой мне ту песню	85
В этом мире я только прохожий	85
Слышишь — мчатся сани	86
Снежная замать крутит бойко	86
Голубая кофта. Синие глаза	86

Вечером синим, вечером лунным	86
Синий туман. Снеговое раздолье	87
Свищет ветер, серебрянный ветер	87
Годы молодые с забубенной славой	88
Я красивых таких не видел	89
Ах, как много на свете кошек	89
Мелколесье. Степь и дали	90
Цветы мне говорят — прощай	90

Стихотворения, даты которых не выяснены

Белая свитка и алый кушак	92
Теплый вечер.	92
Пороша	93
Ямщик	93
Вечер	93
Молитва матери	94
«Узоры»	94
Даль подернулась туманом	95
Пасхальный благовест	95
Русь	95
Не гляди на меня с упреком	96
Девичник	96
Черемуха	97
Небо ль такое белое	97
Ветры, ветры, о, снежные ветры	97
Может, поздно, может, слишком рано	98
Я иду долиной. На затылке кепи	98
Море голосов воробьиных	99
Заждалася сына дряхлая вдовица	99
Грубым дается радость	100
Я помню	100
Ты меня не любишь, не жалеешь	101
Прощание с Мариенгофом	102
Неуютная жидкая лунность	102
Плачет метель, как цыганская скрипка	103
Опечатки	111

ОПЕЧАТКИ

<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>	<i>стр.</i>
Першеневич	Шершеневич	14
маленькой	маленький	20
яств	яств	49
коленким	коленкам	49
сгребет все	сгребет их все	59
я бы	я б	63
чудесней, ней,	чудесней	72
песнь	песня	73
из-за печья	из запечья	81
Светит-хоть кинься в	Ах, у луны такое	
воду.	Светит-хоть кинься	
Ах, у луны такое	в воду.	99
Ты меня любишь	Ты меня не любишь	101

50p.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

